

Консерваторы лишили Европу праздника

Празднование 60-й годовщины подписания Римского договора, положившего начало ЕС, прошло в непривычно напряженной атмосфере



«Евросоюз умрет, народы больше не хотят его», — заявила в воскресенье Марин Ле Пен, обращаясь к лидерам только что закончившегося саммита ЕС — скандально короткого, рекордного по количеству интриг и притом юбилейного. Глубокий раскол Европы хорошо виден по истории правок главного документа саммита, в рамках которого консерваторы прочертили для либералов «красную линию».

Ритуальное по большому счету событие — празднование 60-й годовщины подписания Римского договора, положившего начало ЕС — прошло в непривычно напряженной атмосфере.

И дело не только в беспрецедентных мерах безопасности, принятых в итальянской столице (практически весь центр города оказался закрыт для жителей и туристов). И не только в многотысячных манифестациях, приуроченных к саммиту, хотя их организовали такие мастера уличных протестов, как левые евроскептики из «Социальной платформы Евротоп» и крайне правая, но тоже антибрюссельская «Новая сила». Последние назвали свою акцию «Верните Рим римлянам!» и вышли на нее под лозунгами «Fuck EU!», а римская полиция всерьез готовилась к уличным боям.

Дело в том, что сам процесс подготовки к саммиту выявил новые линии раскола внутри Евросоюза. Только путем многочисленных уступок Польше, Венгрии, Греции и другим странам-«диссидентам» руководство ЕС сумело сохранить лицо и продемонстрировать миру хотя бы видимость

внутрисоюзного единства.

Главные споры разгорелись вокруг текста Римской декларации — документа, в котором должны были быть сформулированы цели и задачи ЕС в новых условиях. Изначально руководители Германии, Франции и Италии планировали включить в декларацию свою концепцию «двухскоростной» или «многоскоростной» Европы. Это их любимое детище, созданное больше года назад в разгар консультаций с Британией по вопросу ее членства в ЕС.

Изначально (то есть еще до английского референдума) предполагалось, что «двухскоростной» Евросоюз получит два центра. Первый включает все страны, перешедшие на евро (здесь должны были рулить Германия, Бельгия и Франция). Второй состоит из стран, сохранивших свою валюту (здесь негласным лидером должна была стать Британия). Концепция не увлекла англичан, они проголосовали за Brexit. Тогда ее постарались приспособить для ЕС без Британии.

Однако в новых условиях эта идея означала банальную и жесткую сегрегацию европейских стран по принципу бедности и богатства. Германия, Бельгия и Франция отказались бы от спонсирования хиреющих экономик периферии ЕС, а страны юга и востока Европы окончательно превратились бы в рынок для французских и немецких товаров и в поставщика дешевой рабочей силы. Руководство стран Восточной Европы разглядело эти невеселые

перспективы сразу.

Борьбу с идеей «двухскоростной Европы» страны Вышеградской четверки (Венгрия, Польша, Словакия и Чехия) начали сразу после британского референдума. «Концепция двухскоростной Европы либо выдавит наши страны из ЕС, либо превратит нас в низший класс внутри союза», — заявил тогда Ярослав Качиньский, не занимающий государственных постов, но являющийся «серым кардиналом» системы по праву лидера правящей партии, к которой принадлежат и президент, и премьер. При этом споры об экономическом развитии ЕС наложились на не менее тяжелые дискуссии о мигрантах и европейских ценностях, которые уже несколько лет раскалывают традиционалистский Восток и либеральный Запад. Не сумев убедить вышеградских лидеров на предыдущем саммите, президент Франции Франсуа Олланд заявил: «У вас принципы, а у нас — фонды». Тем самым он весьма прозрачно намекнул на то, что Польша в ЕС является крупнейшей страной-реципиентом: она получает четверть от всех сумм, которые Брюссель выделяет на финансирование европейских экономик.

Однако неприкрытая угроза урезать финансирование не сработала. Уже вылетая в Рим на саммит, премьер-министр Польши Беата Шидло объявила, что не подпишет Римскую декларацию, если оттуда не уберут пагубную идею «двухскоростной Европы». С ней солидаризировался премьер-министр Венгрии Вик-

тор Орбан. Свои претензии к тексту декларации также выдвинул Алексис Ципрас — премьер балансирующей на грани дефолта Греции.

В результате, дабы избежать публичного скандала, многострадальный текст Римской декларации пришлось переделывать прямо накануне церемонии подписания. Британская газета The Telegraph даже раздобыла черновик текста с правками. По редакции видно, как нелегко дается лидерам ЕС сохранение иллюзии «союза нерушимого».

Чтобы смягчить формулировки, в текст декларации «налили воды», добавив почти 100 слов. И вместо идеи «двухскоростной Европы» появилась такая обтекаемая фраза: «Мы будем действовать в разном темпе и с разной энергией там, где это необходимо, однако продолжим двигаться в одном направлении». Она должна развеять опасения восточных европейцев в том, что в новом ЕС их собираются назначить люмпен-пролетариями. В первый параграф специально для Алексиса Ципраса вставили слова про «высочайший уровень социальной защиты», который должен будет продемонстрировать ЕС. С 2010 года пенсию в Греции понижали уже двенадцать раз. Сейчас МВФ требует повторить эту процедуру в тринадцатый раз. Опечаленный Ципрас сразу по приезду в Рим сообщил журналистам: «Это не наша Европа. Мы хотим сказать «нет» этой Европе страха, безработицы, бедности и сказать «да» Европе, которая заботится о социальных нуждах».

Римскую декларацию, впрочем, он все же подписал. И практически в то же время, когда он ее подписывал, бывший министр финансов Греции Янис Варуфакис и соратник Ципраса провели по улицам Рима демонстрацию против ЕС за «альтернативную Европу».

В угоду консервативным странам из документа убрали слова «гендер» и «глобальный», а также переписана формулировка об открытости Евросоюза. Теперь он будет открыт для тех стран, которые «уважают» европейские ценности, а не «полностью разделяют» их. В переводе с брюссельского языка «европейские ценности» — это мультикультурность, гей-браки и квоты для мигрантов. Это можно «уважать», не соблюдая, в чем есть не-

сомненная уступка патриархальным странам Вышеградской четверки. Некоторые правки были сделаны в интересах грандов ЕС. «Завершение создания монетарно-экономического объединения» заменили на «работы по завершению». В Германии справедливо опасаются, что подобное объединение взвалит на нее долги всех остальных стран Евросоюза, и не заинтересованы в скорейшем окончании этой работы.

В отсутствие Британии, всегда выступавшей за безальтернативность НАТО для европейской безопасности, Германия и Франция внесли в текст пассаж об «укреплении сил обороны в сотрудничестве с НАТО». Это вполне ясный намек на возможное создание общеевропейской армии, от НАТО по сути не зависящей.

Таким образом, юбилейный саммит обнаружил множество внутриевропейских противоречий еще до своего начала. Тут и конкуренция богатого Севера с деиндустриализующимся Югом. Тут и спор о ценностях традиционалистского Востока с прогрессивным Западом. Тут, наконец, вопрос целеполагания общеевропейского проекта: то, что начиналось 60 лет назад как скромный таможенный договор шести стран, выросло в колоссальный бюрократизированный организм с огромными амбициями, неоднозначной экономикой и жесткой идеологией.

Однако на самое главное противоречие ЕС указал папа римский Франциск, обратившись к европейским лидерам, приехавшим на саммит: «Печально, что часто ощущается растущий раскол между гражданами ЕС и его институтами, которые воспринимаются как далекие бюрократические структуры, равнодушные ко всем вопросам, чувствительным для Европы». Папа также попросил Брюссель не терять связи с простыми людьми и принимать «практические решения» для улучшения их жизни.

Подписав Римскую декларацию, лидеры 27 стран ЕС дали 10-минутную пресс-конференцию и отправились обедать. Никаких торжеств по случаю 60-летнего юбилея ЕС организовано не было. «Нечего тут праздновать-то», — пояснил ситуацию Янис Варуфакис.

Виктория Никифорова

СОБЫТИЯ

ФРС против Трампа. Падение доллара неизбежно

Решение по повышению ставки Федеральной резервной системой отправило американский доллар в безостановочное падение, которое опустило доллар до минимумов ноября 2016 года.

Такое движение полностью «съело» ралли после победы Дональда Трампа на выборах президента США, а пятидневное падение стало крупнейшим с марта 2015 года. Индекс доллара по отношению к шести основным валютам опустился ниже психологической отметки в 100 пунктов.

Аналитики не могут найти однозначного ответа на подобное поведение американской валюты, хотя и понимают, что участники рынка разочарованы в заявлении ФРС и не верят в обещания Трампа.

Текущие открытые позиции демонстрируют, что продажи по паре евро/доллар, которая занимает более половины в индексе доллара, минимально с мая прошлого года.

Вторник, 21 марта, стал знаковым для американского рынка. Фондовый рынок показал рекордное падение: индекс широкого рынка S&P 500 потерял более 1% впервые с октября прошлого года.

Индекс не падал на 1% на протяжении 110 дней, это максимальный период с мая 1995 года.

«Черный» вторник ударил и по финансовому сектору. Так, котировки Bank of America потеряли около 10%. Экономисты уверены, что сейчас рынок проводит корректировку ранее возникшего дисбаланса.

Благодаря ралли акций банковского сектора образовался разрыв графиков кривой доходностей и акциями банков, что значительно отличается от нормы. Текущие движения приводят ситуацию в порядок.

Участники рынка вспоминают, что политика Трампа как никакая требует слабого доллара. И здесь президент США может вести разговоры о тарифах и налогах, но без реального ослабления доллара ему не удастся добиться резкого роста экономики.

История дает уроки: обеднение американских производственных городов и промышленного среднего класса произошло на фоне ошеломляющего 40-летнего роста курса доллара. Здесь работает обычная логика или правила экономики: по мере роста валюты экспорт становится более дорогим и менее конкурентоспособным на внешних рынках. Внутри страны происходит обратный процесс: импорт становится все более дешевым по сравнению с отечественным производством.

Например, с 1970-х годов «американец» укрепился почти в четыре раза к корзине иностранных валют ФРС, а объем импорта вырос, и страна потеряла свою доминирующую роль во многих областях производства.